

# СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

1989. - 7 сент. - с. 6.

**СУДЬБА** ей выпала нелегкая. Когда ей было всего пять лет, умерла мать, еще через десятилетие ушел из жизни отец. После долгих лет мытарств и скитаний по стране дочь опального живописца оказалась в Туркмении...

Кажется, еще вчера мы сидели с ней в уютной квартире, где она жила вместе с дочерью Ольгой и ее семьей...

— Отца помню, — рассказывала Уна Казимировна, — еще с того времени, когда Ленинград назывался Петроградом. Почему с уверенностью об этом говорю? Я умела читать уже в трехлетнем возрасте. Обучила меня этому бабушка, мамина мама, в доме которой в Немчиновке я провела детство. И вот когда впервые отец привез меня в город на Неве, я увидела название на вокзале — «Петроград».

— Помню, — продолжала свой рассказ Уна Казимировна, — отцовскую квартиру на бывшей Почтамтской улице (теперь это улица Союза Связи), помню дорогу к Русскому музею, куда отец, работавший там, очень часто меня водил...

Моя собеседница рассказала мне о матери Малевича — Людвиге Александровне, его брате Мечиславе Севериновиче, до конца своей жизни проживавшем в Москве, о многочисленных встречах с друзьями отца — его единомышленниками, учениками...

В возрасте семнадцати лет Казимир Малевич покинул родной дом в Киеве, чтобы «выйти в люди», себя прокормить и помочь родителям — на содержании отца, скромного служащего сахарного завода, было одиннадцать детей. Оказавшись в Курске, устраивается на работу в управлении железной дороги. И продолжает занятия живописью. Вскоре под его началом в городе открывается кружок любителей искусств. Через два года работы молодого художника экспонируются в Москве. Тогда же вскоре перебирается и он сам, поступает на учебу в училище живописи, зодчества и ваяния.

Казимир Северинович неохотно рассказывал дочери о том периоде своей жизни. От бабушки — Людвиги Александровны — узнала позже Уна о том, что ее отец был участником первой революции, сражался на баррикадах. С улыбкой вспоминала, как Казик — так называли в семье художника — ухитрился разгуливать по Москве вооруженный «до котелка»: под шаркающей шляпой в густых кудрях он прятал небольшой пистолет. Малевич не раз проносил его через заградительные посты, не забывая при этом с подчеркнутой вежливостью приподнимать шляпу, приветствуя военные чины и знакомых.

В подобных его выходках бабушка усматривала одно лишь хулиганство, что в общем-то подтверждалось хранившейся у нее фотографией, на которой ее Казик запечатлен на Кузнецком мосту с двумя такими же, как и он, молодыми людьми (варьятами шутиливо и любя называла их Людвиг Александровна), украсившими петлицы сюртуков деревянными ложками...

— Варьята рядом с отцом, — говорила Уна Казимировна, — это Давид Бурлюк и Михаил Ларионов...

Малевич поддерживал дружбу с Алексеем Крученых, Велимиром Хлебниковым, Владимиром Маяковским, иллюстрировал их издания. Участвовал в манифестах, диспутах, вечерах «Союза молодежи».

2 декабря 1913 года в Петербурге состоялась премьера футуристической оперы «Победа над солнцем», шедшей в общей программе с трагедией «Владимир Маяковский». Музыку к опере написал Михаил Матюшин, либретто — Алексей Крученых. Выдержала она четыре представления, одно из которых открывал пролог Велимира Хлебникова...

Уна Казимировна показала мне польский журнал «Проекты» за 1967 год со статьей о творчестве Малевича. В ней такие строки: «Премьера футуристической оперы «Победа над солнцем» стала видным событием в культуре, и прежде всего потому, что художником спектакля был Казимир Малевич...»

Уже в этой работе Малевича, отметил десятилетия спустя искусствоведы, проявились первые элементы супрематизма.

Революцию Малевич принял всем своим существом, рассматривая на возможности, которые представляет она освобожденной от рабских пут условностей всякой творческой личности. Реализацию этих возможностей художник Малевич представил себе вполне конкретной задачей: «изменить устаревшие формы — от крупных, как дома, до мелких, как чайная чашка, наполнить жизнь красотой, выражающей революционный дух времени».

Реализовывал не только сам — воспитывал последователей. И Чашник, Н. Скетин, Л. Лис-

Она позвонила мне и с волнением в голосе сказала: «Только что из газет узнала, что в Москве открылась выставка работ отца... Как хотелось бы побывать там, увидеть все своими глазами. Эх старость...» Уна Казимировна жила в Небит-Даге, небольшом городке на западе Туркмении. Она — дочь Казимира Малевича.

## В ГОСТЯХ У ДОЧЕРИ ХУДОЖНИКА

сицкий, Л. Юдин, М. Джагупова, И. Ключков — те немногие из когорты его учеников, чьи фамилии доходят до нас из далекого прошлого — из тех лет, когда Марк Шагал пригласил Казимира Малевича на преподавательскую работу в Витебское художественно-декоративное училище. Там в начале 1919 года Казимир Северинович возглавил объединение молодых художников — последователей нового искусства, а еще через год основал общество Утвердителей нового искусства.

В честь этого общества и дочь назвал Казимир Малевич. Над самодельной колыбелью Уны в крохотной комнатке, где беспрерывно толпился народ, алел на стене лозунг: «Ниспровержение старого мира да будет вычерчено на наших ладонях!»

Первые годы своей жизни маленькая Уна провела в подмосковной Немчиновке. Воспитывалась поначалу в доме у родителей матери, известной в свое время детской писательницы Софьи Михайловны Рафалович (Софья Михайловна умерла в 1925 году от скоротечной чахотки). Отец не порывал связи с ее родственниками, хотя некоторое время спустя вновь женился. В Немчиновке же бывал регулярно, благодаря командировкам в Москву в качестве директора Ленинградского Государственного института культуры.

— Он не любил многолюдные курорты. Лучшим отдыхом считал выезд на природу. Поле любил — широту и простор, — вспоминала Уна Казимировна. — В лес выбирался частенько... Гуляли мы часто и подолгу. Что особенно отложилось в деревне принято здороваться с каждым прохожим — и отец никого не пропускал, не поздоровавшись. Чаше же всего, встретив кого-либо из местных крестьян, всегда останавливался, подолгу беседовал. И всегда находил какие-то общие темы для разговора, общий язык. Ведь сам он хорошо знал крестьянскую работу, а в разгар лета очень любил косить.

Позже, припомнит Уна Казимировна, многие его работы — и знаменитый «Точильщик», и «Дровосек», и «Девушки в поле» — картины, что были написаны задолго до ее рождения, — удивительным образом оживят в памяти то, что не раз наблюдали они с отцом, выходя за порог бабушкиного дома.

— Затрудняюсь даже сказать — на отцовской ли картине или в жизни увидела, как много, кажется, рук мелькает у работающего точильщика... Ходил по нашим немчиновским дворам точно такой же, сутуловатый, со свисающими усами мужичок, выкрикивая: «Кому ножи точить? Ножицы!». Мы с отцом часами могли наблюдать его работу, мельтешение искр у точильного колеса...

Но чаще всего уводил отец маленькую Уну в широкое поле, туда, к кряжистому дубу-великану, в одиночестве возвышавшемуся над золотыми подносками ржи. А по дороге ненавязчиво объяснял девочке окружающий мир.

«Вот эти тучи — видишь, какие хмурые? Посмотри на них — там, вдали, они, отяжелевшие книзу, сходятся у горизонта... Они предвещают нам хорошую погоду. Завтра нам можно будет пойти купаться на Барвиху...»

— Много рассказывал о народных приметах, поверьях, связанных с природными явлениями. Я поняла, что природа — огромный, полный таинств, но вполне доступный пониманию мир. Помню, был такой момент. Меня, еще малышку совсем, спросил как-то дядя мой, тоже художник Кацман, очень любивший подшутить: «Уна, а какой тебе художник нравится больше всех?» Ожидал он, по-видимому, услышать что-то если не заумное, то, по крайней мере, из ряда вон выходящее, не совсем обычное для ребенка. И когда я ответила — Левитан, он в удивлении только и сказал: «Ну, ты молодец!»

А молодцом был все-таки, наверное, мой отец.

О своих картинах он редко говорил в моем присутствии. А когда ходил со мной в музей, нашими любимыми залами были те, где висели картины Сурикова, Васнецова. Об этих художниках он мог рассказывать часами.

В журнале «Наука и жизнь» за 1975 год была опубликована небольшая статья Константина Симонова, впервые в отечественной периодике после смерти Малевича упомянувшего его заслуги перед советским изобразительным искусством и опровергнувшего домыслы о якобы эмиграции Художника.

«Сколько фантазии и живого интереса к тому будущему, которое в наше время стало реальностью, в размышлениях художника, родившихся в голодной, воюющей, устремленной в будущее революционной России 1920 года! — писал тогда Константин Михайлович, впервые рассказывая широкой аудитории, о каких архитекторах и планитах мечтал Малевич, и упоминая, сколь удивительным образом предвдарили они ультрасовременные линии громад небоскребов, подпирающих небеса заоканских городов...

Но еще до этой публикации, в 1973 году, сразу же после открытия выставки работ Казимира Малевича в нью-йоркском музее Гугенхайма, американские искусствоведы констатировали: «Сегодня элементы супрематизма стали неотъемлемой частью американского искусства и проявляются в работах художников Барнетта Ньюмана, Марка Ротко, Дональда Джадда, Герберта Бауэра и других. А Казимир Малевич, основоположник супрематизма, навсегда вошел в историю мирового современного искусства».

Увы, в отечественных издательствах пока не вышло ни одной из его многочисленных теоретических работ, нет у нас ни одного серьезного исследования, которое освещало бы его творческий и жизненный путь.

Разрозненные остатки обширного архива Малевича, пока не собранного воедино, до сих пор хранят достоверные данные о том, как внезапно, во время экспонирования своих работ в Варшаве и Берлине, Казимира Севериновича отозвали из заграничной командировки и арестовали по дежурному обвинению в шпионаже «в пользу германской разведки».

Уна Казимировна (со слов своей мачехи, Натальи Андреевны, проживающей ныне в Ленинграде) вспоминала, что из-под ареста отца освободили уже через несколько месяцев, но до конца его жизни довела над ним официальная немилость. Отчего уже, увы, не спало возвращение к фигуративной живописи, к которой он обращался, уже будучи смертельно больным, прикованным к постели...

В мае 1935 года Казимира Севериновича не стало.

По завещанию художника тело его перевезли из Ленинграда в Москву, и после кремации прах его был погребен в чистом поле, под раскидистым дубом — тем самым дубом-великаном, прогулки к которому он так любил при жизни.

А еще он просил, вспоминала Уна Казимировна, — просьба эта так и не была выполнена — похоронить его в гробу своей собственной супрематической конструкции — чтобы легли в нем широко раскинувшись в стороны его руки. Руки Художника. Непонятого. Непризнанного...

Е. КОТОВА.

НЕБИТ-ДАГ,  
Туркменская ССР.  
ОТ РЕДАКЦИИ:

Когда этот материал готовился к печати, пришла печальная весть из Небит-Дага: после долгой тяжелой болезни дочь Казимира Малевича скончалась.